

К 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого

АВТОР ПЬЕСЫ ПРИШЕЛ...

Классики русской литературы, как правило, были тесно связаны с театром, интересовались актерским искусством. Пушкин прославил Семенову и Истомина. Гоголь создал классическое «Преуведомление» к «Ревизору». Некрасов в молодости писал театральные рецензии.

А Лев Николаевич Толстой? Он, как известно, много размышлял об искусстве. Достаточно вспомнить статью «О Шекспире и о драме», трактат «Что такое искусство?».

Но удивительное дело: Толстой, сам великий драматург, в этих, да и во всех остальных искусствоведческих работах почти ничего не пишет о театре и об актерах.

Можно назвать только полное горькой иронии описание репетиции оперы А. Рубинштейна «Ферраморс» в консерватории («Что такое искусство?»). Толстой саркастически рисует фигуру бедняги тенора, на все лады повторяющего одну и ту же бессмысленную фразу: «Я невесту сопровожда-а-аю!».

И еще: в том же трактате есть две фразы об итальянском трагике Росси.

Почему же Толстой ничего не пишет о современных ему великих русских актерах? Причина проста: он не видел их на сцене. Считая современным ему театр антинародным, Лев Николаевич попросту не посещал его.

26 января 1858 года Толстой был в Малом театре на представлении «Ревизора». А следующий раз он пришел в театр только через тридцать четыре года!

Лаконичная запись в его дневнике гласит: «Был в театре. Пл. пр.». Расшифровать эту фразу просто. «Пл. пр.» — «Плоды просвещения», комедия Л. Н. Толстого. Премьеру его в Малом театре и посетил автор 7 января 1892 года.

Не осталось ли в тогдаш-

ней прессе каких-нибудь описаний этого, столь редкого посещения?

В газете «Новости дня» за 13 января 1892 года удалось обнаружить заметку известного фельетониста Власа Дорошевича.

«К кассе Малого театра, — пишет Дорошевич, — подошел в сопровождении молодого человека мужик в зипуне, барашковой шапке и валенках.

Увидел аншлаг «Билеты все проданы» и пошел за кулисы.

— Милый, могу я видеть госпожу Федотову?

— Федотову???

Сторож оглядел мужика с ног до головы.

— Нельзя Федотову видеть. Они теперь заняты. «Плоды просвещения» играют. Графская пьеса.

— А ты все-таки сходи, милый, скажи: автор, мол, этой пьесы видеть их желает.

— Автор?!

Сторож перевел взгляд на молодого человека, видимо, догадался и побежал к режиссеру:

— Автор нынешней пьесы видеть Гликерию Николаевну желают!

Г. Черневский даже подпрыгнул от изумления:

— Автор? «Плоды просвещения»?!

— Они самые-с.

— Да ты не путаешь? Какой он из себя?

— Молодые такие и лицо этаное, вообще, видать, что графы. С мужичонкой пришел. Так, неважный мужичонка, в валенках. Мужичонка-то и сказал, что автор желает видеть.

Г. Черневский моментально сообразил, кто этот «неважный мужичонка», побежал, представился и проводил гостя в уборную госпожи Федотовой.

Весть «сам Толстой здесь» моментально облетела кулисы.

— Как быть? Куда посадить такого редкого, желанного гостя?

Желанный-то он, положим, желанный. Поставить приставные кресла? Но ведь Л. Н. разденется и вдруг останется в партере Малого театра в нанковой блузе!..

Пока шли разговоры, дали знать в контору.

Контора распорядилась дать Л. Н. Толстому директорскую ложу: и почет, и публике не видно.

— Л. Н. с сыном просидели весь спектакль до конца...

Но как Толстому понравилось исполнение?

— Ничего не сказал...».

И действительно, ни в дневнике, ни в письмах Льва Николаевича нет никаких упоминаний о спектакле, кроме уже названной фразы: «Был в театре. Пл. пр.».

Многие тайны могут открыть архивы. Так и здесь. В Театральном музее имени А. А. Бахрушина хранятся дневники П. М. Пчельникова, который был тогда управляющим Московской конторой императорских театров. Оказывается, как сказано в дневниках, Пчельников после представления беседовал с Львом Николаевичем о спектакле. Отзыв Толстого был суровым. Потому-то Пчельников и утаил его от всех, доверившись лишь собственному дневнику.

«После взаимных приветствий, — записал управляющий, — он сейчас же заговорил о том, что артисты, исполнявшие роли мужиков, очень шаржируют. К такому заключению приводил его и смех зрителей, сопровождавший каждую фразу мужиков.

— По моему мнению, — сказал Лев Николаевич, — они неестественно исполняют свои роли. И если не глядеть на сцену, а только слушать, что говорят, то нередко можно стать в тупик, чему же смеется публика. Ведь в речах мужиков постоянно звучат жалобы, а иногда и попытка протеста. И их слова, по моему мнению, скорее должны возбуждать сочувствие к безвыходному положению, а не смех...».

...Последний спектакль, который видел Толстой в своей жизни, — «Дядя Ваня» А. П. Чехова в Московском Художественном театре.

Б. ЕВСЕЕВ.